

ВАЛЕРИАН ЯКОВЛЕВИЧ СВЕТЛОВ

АВАНТЮРИСТКА
(ТАЙНАЯ ЛЮБОВНИЦА
ПЕТРА I)

Россия державная

Валериан Светлов

**Авантюристка (Тайная
любовница Петра I)**

«Public Domain»

1902

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Светлов В. Я.

Авантюристка (Тайная любовница Петра I) / В. Я. Светлов —
«Public Domain», 1902 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03955-3

Имя Валериана Яковлевича Светлова (наст. фам. Ивченко: 1860–1934) — автора исторических романов и рассказов, увлеченного исследователя Кавказа и древних культур, путешественника, искусствоведа, было хорошо известно дореволюционной России. Балетный критик, муж балерины В. А. Трефиловой, коллекционер и журналист, он сотрудничал в журналах «Нива», «Театр и искусство», «Звезда», Ежегоднике императорских театров, газетах «Биржевые ведомости», «Слово» и др. Автор работ по истории русского балета. В 1909 г. принимал участие в организации Русских сезонов Дягилева. В 1917 г. эмигрировал во Францию. Умер в Париже. Роман «Авантюристка», публикуемый в данном томе, повествует о загадочной красавице Марии Даниловне Гамильтон, камер-фрейлине российской императрицы Екатерины I, появившейся в Петербурге на закате царствования Петра Великого и из полной безвестности поднявшейся на вершину богатства и власти. Располагая сведениями о прошлом императрицы, она умело манипулировала сподвижниками Петра I, а красота и обаяние позволили ей соблазнить самого царя... Но в жизни авантюристки имелись зловещие тайны, которые в конце концов и привели ее на плаху.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03955-3

© Светлов В. Я., 1902

© Public Domain, 1902

Содержание

Пролог	6
Часть первая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлов Валериан Яковлевич

Авантюристка (Тайная любовница Петра I)

Пролог

Таверна «Голубая Лисица»

I

Осеннее солнце садилось за крыши небольшого городка и последними косыми лучами освещало узенькие улицы осажденного русскими войсками Мариенбурга.

Мирный, патриархальный прусский городок, с ратушей и церковью в стиле средневековых построек, с низенькими домиками, покрытыми черепичными крышами и окруженными садами, уютно ютился на правом берегу Ногаты, одного из рукавов Вислы.

Жители Мариенбурга занимались торговлей лесом, зерном, шерстью и лошадьми, а также глиняными изделиями, составляющими предмет производства крестьян из окрестных сел.

Из старинных построек уцелел в городе замок магистров Тевтонского ордена, превративших Мариенбург в сильную крепость, по переходе его во владение Польши в XVI веке и потом в XVIII веке, когда город достался Пруссии.

Теперь город был осажден победоносными войсками Петра I Алексеевича, плотно обложившими его и прекратившими подвоз съестных припасов к городским воротам. На улицах города стало угрюмо и пустынно. Никто не хотел выходить из домов без особенной надобности, опасаясь быть раненым или убитым осколком бомбы, так как царские пушки не переставали громить городские стены, прекращая канонаду только с наступлением вечернего времени.

Скучно жилось теперь в Мариенбурге. Мужское население было занято службой в войсках или караулами в городе: жизнь сосредоточивалась в двух-трех местах, в тавернах, в которых сходились, чтобы потолковать о происшествиях дня, о текущих новостях политической жизни и о великом, страшном русском царе, о котором теперь все говорили и имя которого было теперь у всех на устах.

В тавернах было уютно, светло и тепло, тогда как во многих домах было уже мрачно, не доставало топлива и пищи. Съестные припасы чувствительно поуменились в городе и вздорожали в цене, а за дровами нельзя уже было ездить в лес, в котором скрывались в изобилии русские отряды.

Всем давно стало ясно, что город накануне сдачи и что это – вопрос только времени, может быть, двух-трех недель, а может быть, и всего нескольких дней.

В одной из городских таверн собралось несколько человек у ярко горевшего очага.

Эта таверна, под вывескою «Голубой Лисицы», стояла почти у самых стен города, в отдаленном от рыночной площади квартале, вблизи башни Тевтонского ордена. Над низким и почерневшим сводом, под которым находилась дверь в обширную комнату таверны, была прикреплена деревянная доска, служившая вывеской заведению, и на этой доске была изображена местным живописцем, правда, не очень искусно, лисица с пушистым хвостом и тонкой заостренной мордой. Ее можно было бы принять за какого угодно зверя, если бы на доске не было выведено готическими буквами настоящее название этого удивительного млекопитающего, окрашенного по причудливой фантазии в ярко-голубой цвет, теперь уже достаточно потемневший под влиянием солнца, дождя и пыли.

Очевидно, осколок бомбы попал в это художественное изображение во время осады, потому что доска была расщеплена посредине и сорвалась с одного гвоздя, болталась на трех остальных и ежеминутно угрожала падением на голову одного из постоянных посетителей таверны.

Но на это мелочное обстоятельство решительно никто не обращал внимания в эту трудную пору жизни.

В кабачке всегда можно было найти кров и пищу, всегда можно было обогреться у очага, в котором весело горели, потрескивая, дрова, и всегда можно было найти людей, с которыми так приятно было перекинуться двумя-тремя словами, прежде чем снова выйти на улицу.

Было уже поздно, и солнце село за лесом. На улицах города становилось темно; тем приветливее в наступавшей темноте светились окна таверны, приманивая своими огоньками обычных своих посетителей.

Против обыкновения бомбардировка очень затянулась в этот день и, несмотря на позднее время, частые выстрелы пушек, точно удары грома, раздавались в воздухе, и старые стены таверны вздрагивали как бы от страха.

В низеньком помещении таверны, сильно закопченном дымом, у широкой деревянной стойки стояла тетка Гильдебрандт, родственница хозяина «Голубой Лисицы» Кристьерна Рабе.

Солдаты прусского гарнизона, закоптелые от дыма пушек и оглушенные их пальбой, то и дело вбегали в столовую, подходили к стойке, требовали пива и, быстро расплатившись с хозяйкой, иногда перекинувшись с нею парой слов, так же быстро убегали к городским стенам, где решалась, по-видимому, в этот вечер окончательная участь Мариенбурга.

– Здравствуйте, тетушка Гильдебрандт! – быстро говорил какой-нибудь солдатик. – Дайте-ка подкрепиться, сил нет... столько часов!

– Пейте, Ганс, – отвечала гостеприимная старушка, – пейте на здоровье. Что это? Деньги? Нет, нет, я сегодня ни с кого не беру.

– Что так, тетушка? – жадно выпивая кружку, торопливо возражал солдат.

– Да так! Кристьерн не велел. Вы защищаете наше достояние – нелегко вам. Сегодня целый день только и слышишь одни выстрелы... Вот уже вечер, а все еще продолжается этот гром. Ну, что, как?

– Плохо, тетушка, очень плохо! Царские войска очень уж плотно обложили город, подошли к самым стенам. Нам не устоять. Налейте-ка мне еще кружечку, если это ничего вам не стоит и не будет обидно.

– Нисколько, Ганс. Утоляйте свою жажду!

– Наше дело плохо, тетушка. Гарнизон наш мал, даже очень мал, офицеров осталось немного, солдаты устали. Что это? Колбаса? Нет, нет, не успею!..

– А вы с собой возьмите.

– С собой? Ну, с собой, пожалуй. По дороге съем. Жажда вот только очень томит. Жаркое дело!

– Я вам еще кружечку налью. Ишь, ведь как будто гром! Выстрел за выстрелом...

– Бегу, тетушка! Прощайте, благодарен за угощение.

– На здоровье, Ганс, и да хранит вас Господь! Присылайте товарищей!

Солдат убегал, а на смену ему являлся другой; иногда они сталкивались у стойки, перебрасывались несколькими словами и быстро исчезали в темном отверстии низенькой двери, обитой войлоком.

Тетка Гильдебрандт старалась угодить всем. Не одна бочка пива вышла уже у нее за эти несколько тяжелых дней. Но всем было ясно в последнее время, что осаде города скоро конец и что он очутится во власти русских не сегодня-завтра. Что же было жалеть накопленные припасы? Все равно русские солдаты, овладев городом, уничтожат все, что найдут, а заплатят ли

– это еще одному Богу известно, потому что о русских говорят в городе разное, но огромное большинство граждан считает их грубыми и варварами.

У столика, придвинутого к самому очагу, расположилось несколько стариков, военные дела которым не под силу. Они остались в городе охранять имущество своих сражающихся сыновей, а по вечерам сходились в этой таверне, чтобы потолковать за кружкой пива и за блюдом горячей колбасы о судьбах Мариенбурга.

Но так как все давно уже было переговорено, так как осада длилась долго и ничего нового не случалось, то они сидели теперь молча, как бы погруженные в дрему, сиротливо опустив головы и изредка прихлебывая пиво из кружек.

При входе солдат они подымали головы и прислушивались к их переговорам с хозяйкой, но переговоры были все одни и те же, и старики очень скоро вновь погружались в свои думы.

Раз только их внимание было возбуждено появлением группы граждан с женами и детьми. Пришельцы были очень перепуганы: только что сорвало крышу с их дома попавшей в него бомбой, и они остались на ночь без крова. Это была большая семья, состоявшая из стариков родителей и нескольких женатых сыновей. Все они решились покинуть осажденный город, потому что очень боялись попасться русским в руки.

Им отвели до утра комнату и кое-как устроили на ночь. Затем все опять стихло в таверне, и только время от времени раздавались раскаты пушечных выстрелов.

II

В самом отдаленном, темном углу зала, низко опустив голову, точно придавленная этим черным от копоти низеньким потолком, сидела в старинном кресле с высокою спинкою молодая девушка и грустным взглядом глядела в окно, за которым царил осенняя ночь.

Порывы ветра проносились по улицам города, низко ползли черные тучи, из которых начинал накрапывать дождь. Где-то поблизости хлопала оторванная ветром ставня, лаяла привязанная на цепи собака, и лай ее, сначала залиvistый и звонкий, переходил в протяжный, унылый вой.

Девушка вздрагивала, всматриваясь в темноту расстилавшейся за окном черной ночи, и снова погружалась в свои невеселые думы, пока не отворилась входная дверь и в темном отверстии ее не появлялся новый посетитель, на минутку урвавшийся со службы солдат, и не начинал обычных переговоров с теткой.

– Здравствуйте, тетушка Гильдебрандт.

– Здравствуйте, милый. Вам пива?

– Если будете так добры.

– Пейте на здоровье. Сегодня Кристьерн не приказал брать деньги с защитников нашего старого города.

– А-а! – радостно говорил солдат. – Нашему старому городу пришел конец, тетушка.

– Будто?..

– Верно. Не знаю, долго ли мы продержимся. Наша передовая линия вынуждена была отступить. Русские войска подходят все ближе и ближе. Им конца нет! наших мало. У русских свежие силы, мы устали. Завтра, вероятно, вы увидите в вашей таверне царских солдат. До свидания, тетушка, если еще когда-нибудь Бог приведет нас свидеться.

– Что это вы говорите, молодец? Да хранит вас Бог!

– И вас также, тетушка...

Солдат исчезал, и дверь закрывалась за ним.

Девушка встала со своего места и подошла к старухе.

– Не нужно ли вам помочь, тетушка? – спросила она мелодичным серебристым голосом.

– Нет, деточка... Я и одна справлюсь. Если ты устала, иди к себе в комнату.

– Я пойду. Спать мне не хочется, но я пойду почитать Библию.

– Ступай, Марта, ступай!

Девушка ушла. Старики, сидевшие за столом у очага, поглядели ей вслед, и лица их оживились, когда Марта проходила мимо них и приветливо поклонилась.

Это была довольно полная девушка, с веселым выражением здорового, румяного, хотя несколько грубоватого лица, на котором светились ясные и задорные глазки. Она была небольшого роста, но хорошо сложена; несмотря на очевидную тоску, угнетавшую ее, от всей ее фигуры веяло жизнью, молодостью и здоровьем.

Тетка Гильдебрандт вышла из-за стойки, так как в течение более чем получаса никто не приходил больше в таверну, и под села к столику своих гостей. Двое из них посторонились, чтобы дать ей место.

– Что это, – сказал один из них, – Марта сегодня как будто не в духе? Она всегда бывает такая веселая, болтливая, приветливая, а сегодня просидела весь вечер в углу...

– Да, – задумчиво ответила старуха. – Она молода, и в ней много жизни. Она никогда не падает духом и умеет всех развеселить в доме. Когда Кристьярном овладевает злоба, она и его умеет усмирить. Но сегодня ей, по-видимому, нездоровится с утра. Прошлую ночью она видела сон, который расстроил ее. Утром она сказала мне: «Тетушка, сегодня со мной должно что-то случиться: или очень хорошее, или очень дурное...»

– А что же ей снилось, тетушка Гильдебрандт? – спросил один из гостей.

– Что будто бы какой-то великан с огненными глазами схватил ее с постели и поднял ее высоко-высоко... А потом сам стал подниматься с нею под самые облака. У нее замер дух и сердце забилося. Она говорила, что ей было и радостно, и страшно...

– А что было дальше? – спросил тот же гость, обрадовавшись случаю поболтать, так как долго уже они все сидели в безмолвии.

– Она тут-то и проснулась, и ей показалось, что она падает с неба.

– Девичьи сны! – сказал старик, хитро подмигивая старухе и подталкивая ее локтем. – Жених грезится... Да и что другое может грезиться девушке?

– Ах, что вы, что вы! – махнула на него рукой хозяйка таверны. – Марта еще очень молода. Ведь она родилась в тысяча шестьсот восемьдесят втором году... Ей теперь всего только девятнадцать лет, настоящий ребенок.

– По виду ей больше.

– Ну, да! Она кажется старше своих лет благодаря полноте. Бедная сиротка! Хорошо, что она нашла у нас в доме приют и любовь, а то плохо ей жилось бы на свете...

И старуха принялась за рассказ, который все посетители таверны Кристьяерна уже много раз от нее слышали. Но это нисколько не смущало старуху и, кажется, еще меньше ее гостей. Рассказ был настолько интересен для них, у которых было так мало интереса в жизни, что они готовы были слушать его хоть каждый день, а в особенности теперь, когда делать все равно было нечего, а ночь предстояла длинная.

– Вы ведь знаете, кажется, – начала старуха, – что Марта родилась не здесь...

– Как же, тетушка Гильдебрандт, – сказал один из стариков, – вы нам говорили, что она родилась в Ливонии...

– Да, в окрестностях Дерпта.

– И родители ее...

– Бедные крестьяне – умерли, оставив ее сиротою на свете. Ах, Боже мой, вот опять выстрел! Другой... третий...

– Не обращайтесь внимания, тетушка! Мы должны были бы уже привыкнуть к этой русской музыке. Так вы говорите, она осталась сиротой?

– Да, отец ее умер, когда она была очень маленькою, а больная мать ее вскоре последовала за ним в могилу. Она была очень умным, добрым ребенком, и, если бы не благочестивый

пастор Глюк, который по христианскому милосердию своему сжалился над нею, ей бы пришлось погибнуть.

– Он взял ее к себе в дом, кажется?

– Да... У него были дочери, и Марта сделалась их подругой.

– Бог! А по Его велению и добрые люди никогда не оставляют своим вниманием сирот, – вставил с глубокомысленным видом один из сидевших за столом.

– Выходит, что так, мой почтеннейший, – согласилась старуха. – И пастор наравне со своими дочерьми учил ее читать и писать, а также обучал ее музыке и танцам... Вы видите, Марта – образованная девушка, несмотря на свое происхождение...

– Да, да! И она умеет обходиться с людьми и говорить с ними, – закивав головой, согласился гость, начавший этот разговор.

– А как же она попала к нам, в Мариенбург? – спросил ее другой.

Но тетка Гильдебрандт сама ответила на этот вопрос:

– Да ведь пастор-то Глюк скоро умер. Не везло девочке в ее детстве. А в это время в Ливонии разыгралась война между царем и шведами, и молодым девушкам стало опасно оставаться в стране, наполненной солдатами... У пастора было много друзей, и они предложили его дочерям отвезти их в Финляндию.

– Ну вот, как это хорошо! – с удовлетворением сказал один из собеседников.

– Да... – кивнула головой старуха. – Но предложение это обошло Марту. Они соглашались отвезти в Финляндию только дочерей Глюка, но не ее.

– Ну, уж это было с их стороны невеликодушно, вовсе даже не по-христиански...

– Что делать! На свете ведь не одни только добрые люди, почтенные господа мои!

– Так что же сделала Марта?

– А что же ей оставалось делать? Она, как вы знаете, девушка решительная и смелая. Такова она теперь, такую и всегда была, с самого детства, как только рассуждать стала. Она еще издавна слышала от своей матушки, что в мариенбургском палатинате, в Пруссии, живет их родственник Кристьян Рабе и что он содержит в городе таверну... вот именно нашу-то «Голубую Лисицу». Марта, не долго думая, собралась и отправилась в путь.

– Это на нее похоже!

– Уж чего-чего она не вытерпела в дороге, проходя пешком по стране, опустошенной победоносными войсками. В то время как она приближалась к нашему городу, она попала в руки двух шведов.

– Ах, Боже мой!

– Да, мой почтеннейший! И, конечно, ей не сохранить бы своей девической чистоты, если бы не вступился тут за нее родственник Кристьяна – ведь вот как устраивает Провидение, всеблагое и премудрое!.. Родственник нашего Кристьяна оказался, как вы, конечно, знаете братом пастора Глюка и тоже пастором.

– Это ведь тот самый почтенный пастор, что живет в вашей гостинице?

– Тот самый. Он и привез девушку в Мариенбург, в нашу таверну... Ну, Кристьян принял ее радушно – детей у него не было, и он за несколько месяцев перед тем овдовел. Вот именно после смерти его жены, моей двоюродной сестры Берты, Кристьян и пригласил меня в дом вести хозяйство таверны. Ну, Марта помогает мне с тех пор, как вошла в дом, и, как видите, все идет в нашем хозяйстве как нельзя лучше... Ах, так и шло бы, если бы не эта война, не эта несчастная война... Слышите, слышите? Опять пушки... Они камня на камне не оставляют в нашем старом, добром Мариенбурге!

В это время отворилась дверь таверны, и в зал вошли два солдата. У одного из них на лбу была царапина, из которой сочилась кровь.

Тетка Гильдебрандт бросилась к ним и предложила раненому перевязать его рану. Но тот махнул рукой и только сказал ей:

– Не стоит, тетушка! Дайте-ка нам лучше пива.

Старуха взгляделась в него и вдруг радостно вскрикнула:

– Ах, Боже мой! Да ведь это вы, господин сержант!

– Я, тетушка, я! Не беспокойтесь – это не рана, а царапина. Скоро заживет, тем более у нас впереди целая ночь... Нашему полку приказано отступить за стену города. На смену нам вызван свежий полк. Ваш сын, лейтенант Феликс Рабе, тоже скоро явится сюда.

– Слава Господу, слава Господу! – проговорила старуха, оживившаяся при этом известии. – По крайней мере он не ранен, мой Феликс, господин сержант?

– О, нет, тетушка! Даже не настолько, как я.

Старуха налила им пива, положила на тарелку колбасу и усадила их за стол.

– Прощайте, тетушка Гильдебрандт, – сказали ее гости, сидевшие за столом у очага. – Становится поздно, вовремя бы добраться до дому.

Они положили на стол несколько серебряных монет, забрали свои шапки, висевшие на гвоздях, вколотенных в стену, и вышли.

Старуха их не удерживала.

III

С тех пор, как она узнала от вошедшего сержанта, что ее сын Феликс здоров и невредим, она совершенно преобразилась.

– У меня было здесь сегодня вечером много солдат, – сказала она, обращаясь к своим новым посетителям, – но не полка моего Феликса; поэтому я не могла спросить их о его здоровье, они мне ничего не могли бы сказать... А уж как терзалось мое бедное материнское старое сердце! Полк-то вот был в другой стороне, далеко от нашей таверны... Ну, что, дети мои? Устоит ли город?

– Нет, тетушка, – ответил сержант, утоляя свой голод и наливая товарищу пива. – Нам не устоять... Город обложен как железным кольцом. Наш гарнизон малочислен и утомлен. К царским войскам прибывают новые силы.

– Так, так, – качая головой, машинально говорила старуха, беспокойно проходя от стойки к столу и от стола к окну, стараясь проникнуть взором во тьму ночи. – Но что же не идет Феликс? Уж не случилось ли с ним чего?

– Не беспокойтесь, тетушка! Мы его оставили у ворот. Он послал нас сюда, чтобы предупредить вас и фрейлейн Марту. Он сейчас будет здесь... ему разрешили переночевать у вас.

– Ах, Боже великий! – вскрикнула старуха. – Я и забыла о Марте. Одной мне не справиться, надо позвать ее, чтобы она помогла мне приготовить ему ужин. Марта, Марта! Иди же сюда, дитя мое! – кричала тетушка Гильдебрандт, подходя к деревянной лестнице, ведущей в верхний этаж.

– Сейчас, тетя, иду!.. – послышался звонкий голос девушки.

Легкими шагами спустилась она по ступеням лестницы и появилась в зале таверны.

– Марта, сейчас будет здесь Феликс, – торопливо сказала ей старуха.

Девушка схватилась за сердце.

– Ах! – радостно вскрикнула она, не будучи в состоянии удержать это восклицание, вырвавшееся из ее груди.

Старушка сочувственно закивала головой и, хитро улыбнувшись, подмигнула ей, как бы желая сказать: «Знаю я, знаю про ваши секреты».

– Подбрось-ка дров в огонь да зажарь что-нибудь нашему Феликсу. Он, конечно, и озяб, и проголодался. Ночь-то осенняя, холодная, дождь вон как забарабанил в окна.

– Сейчас, тетушка, не беспокойтесь, все будет сделано.

И девушка, деловито достав передник, надела его на себя, засучила рукава своего темного простенького платья из дешевой шерстяной материи, заправила под кисейный платок выбившуюся прядку волос, упрямо спускавшуюся на ее лоб, и хлопотливо принялась за дело.

Она нанесла дров, положила их в очаг, раздула мехами огонь, сходила в погреб, принесла новую баклагу темного пива, достала с полки длинный белый хлеб, накрыла на стол и поставила на него прибор.

Работа спорилась в ее быстрых руках, и, видимо, она делала свое дело с радостным волнением. Ее брови хмурились, когда ей приходилось уступать часть своей работы старухе, принявшейся помогать ей и, по-видимому, совершенно забывшей о своих гостях.

– Вы, тетушка, не беспокойтесь, – говорила девушка, – я и одна справлюсь... Да и справляться-то нечего, уже все готово. А Феликс не идет... Уже не случилось ли с ним чего?

Но солдаты ее утешали:

– Нет, фрейлейн Марта. Лейтенант цел и невредим, и вот увидите, не успеем мы допить пиво, как он будет уже здесь.

И действительно, в сенях таверны послышались чьи-то шаги.

Тетушка Гильдебрандт и Марта вздрогнули, подбежали к двери, которая тотчас открылась, и в ее отверстии показался молодой, красивый и статный офицер в форме драгунского полка.

Он был в одном мундире, забрызганном грязью, и дождь, все больше и больше усиливавшийся, порядком вымочил бедного юношу, дрожавшего от усталости и холода.

– Феликс, Феликс... мой милый, дорогой Феликс! – вскрикнула старуха и бросилась его обнимать.

Офицер горячо ответил на этот привет и поцеловал старушку. Но в его движениях чувствовались торопливость, нетерпение поздороваться с молодой девушкой, которая вся зарделась при его появлении.

– Матушка, я тебя испачкаю, – проговорил он, нежно и осторожно высвобождаясь из ее объятий. – Я весь вымок. Здравствуйте, фрейлейн Марта! – обратился он к девушке, взяв ее за руку.

Она покраснела еще больше и опустила взоры.

– Здравствуйте, господин лейтенант, – тихо ответила она.

– О... лейтенант! – протестовал офицер. – Разве фрейлейн Марта забыла мое имя?

– Феликс! – восторженно прошептала девушка.

Сержант и солдат встали при появлении лейтенанта и улыбались, глядя на эту сцену.

Офицер подошел к ним, отдал им распоряжение, и оба его подчиненные, поблагодарив хозяйку и Марту за угощение, тотчас же удалились.

Тетка Гильдебрандт уже хлопотала за стойкой, торопливо доставая из-под нее и с полки разные припасы, которые и переносила на приготовленный для сына стол.

– Вам необходимо обсушиться, Феликс, – говорила офицеру девушка. – Смотрите, как вы промокли... Сядьте сюда, поближе к огню, здесь вам будет теплее. Можно схватить простуду, вечер такой холодный...

– Зато день был горячий, – засмеялся Феликс, усаживаясь в любимое Мартой кресло, которое она поспешила придвинуть к огню. – Да, день был жаркий, – продолжал он, следя любовным взглядом за легкой поступью девушки, принявшейся помогать старухе.

– Пока мы тебе все приготовим, расскажи нам о войне, мы так долго тебя не видали и не знаем никаких подробностей... Устоит ли наш город против русских войск?

Офицер покачал головой.

– Где же, матушка! – проговорил он. – Царь Петр еще в июне писал своему Шереметеву и торопил его к выступлению из Пскова в Лифлянты, осведомившись, что мы готовим в Померании транспорт в десять тысяч человек... У Шереметева против Шлиппенбаха тридцать тысяч

человек. При Гуммельсгофе шведы потерпели страшное поражение: у них было убитыми пять тысяч пятьдесят человек, да они еще потеряли всю артиллерию и триста пленными.

– А русские? – спросила старуха, с интересом вслушиваясь в рассказ сына.

– У русских было четыреста раненых и столько же убитых, матушка. Это немного в сравнении с потерями их противников. Я знаю, что царь, осведомившись об этой победе, писал своему Шереметеву, чтобы он разорил Ливонию, «чтобы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам подать было невозможно». Нам говорил об этом приказе один пленный. И вот русские войска осаждают Вольмар и наш Мариенбург. Нам не устоять. Шереметев бьется без отдыха и сегодня не хочет прекратить огня даже ночью. Хорошо, что мой полк сменили. Наши спешенные драгуны падали от усталости. Да и я еле держался на ногах.

– Иди сюда, Феликс, все готово. Подкрепи свои силы!

Молодой человек не заставил себя долго просить и с юношеским аппетитом уставшего и проголодавшегося человека принялся за ужин.

Обе женщины, старая и молодая, услуживали ему и с восторгом глядели на его красивое, бледное лицо, которое под влиянием тепла комнаты и выпитого пива начало теперь немного розоветь.

Однако тетка Гильдебрандт чувствовала сильнейшую усталость и, делая вид, что внимательно слушает сына, была не в силах устоять против одолевавшей ее дремоты.

Молодые люди подмигнули друг другу и стали уговаривать старуху пойти к себе и лечь спать. Но она ни за что не хотела согласиться на это.

– Я пойду спать, – запротестовала она, – когда мой Феликс здесь? Да ни за что на свете!

– Ну, так, матушка, вот что сделаем. Берите мое кресло, мы придвинем его к очагу... вам удобнее в нем слушать мои рассказы, а кой-когда подремать...

И они исполнили то, что говорили, несмотря на все возражения старухи.

Она уселась наконец в кресло против очага, в котором все еще ярким пламенем горели дрова, и скоро задремала.

Гром пушек давно уже умолк, и в городе стояла мертвая тишина ненастной осенней ночи, как будто за городскими воротами, на топких и намокших полях, не решалась участь этой древней твердыни, осажденной войсками царя.

IV

Как только молодые люди убедились, что старуха мирно уснула, они быстро встали из-за стола, подошли друг к другу и взялись за руки.

– Марта, – тихо, но страстным, еле сдерживаемым шепотом проговорил офицер, – Марта, любите ли вы меня еще?

– Как всегда, – ответила девушка, – на жизнь и на смерть. Ах, Феликс, если бы вы знали, как люблю я вас! Как я страдала во время вашего отсутствия! Как я ждала вас, как боялась за вас!

– Милая! – прошептал офицер и, быстро отняв свои руки, обнял ее. – Дорогая! Ты, наверно, не больше страдала, чем я. Там, на поле сражения, защищая родину и свою жизнь, я думал только о тебе. Ты одна грезилась мне во сне, когда после трудного дня ложился я отдыхать в своей палатке, и тогда, когда мне приходилось верхом на лошади пробираться по лесам и оврагам. И в бою, когда гром пушек оглушал, когда в каждую минуту я мог ожидать смерти, я думал не о себе, а только о тебе, моя дорогая, моя жизнь, только о тебе одной!

– Ах, Феликс! – вся зардевшись, проговорила девушка, радостно смущенная его страстной речью.

– Ты знаешь, – продолжал он, одушевляясь все больше и больше, – я давно люблю тебя, давно! С самого первого дня твоего появления в нашем доме я уже полюбил тебя.

– Да, Феликс, я этого никогда не забуду, слышишь ли, никогда! Бедную сиротку, никому не ведомую Марту Скавронскую, твоя мать приютила здесь, и твой дядя принял меня, как дочь. И я тебя полюбила сразу... но я не могла сказать этого, потому что я была чужой в вашей семье, потому что я была бедной пришелицей... Я любила и страдала от этой любви молча...

– Но теперь, Марта, зачем же скрывать это?

Марта тихо засмеялась.

– Скрывать больше нечего, – сказала она. – Об этом все знают несмотря на то, что мы сделали все, чтобы скрыть это. Твоя мать знает это, и Кристьерн, и пастор Глюк, и даже твой сержант, который только что приходил сюда.

– О, сержант!.. – засмеялся Феликс. – Он всегда все знает. Но... что это? Да, да, это опять канонада. – Он провел рукой по лбу, как бы стараясь отогнать от себя дурной сон, и продолжал: – Ну, значит, русские не хотят подарить нам ни одной ночи. Они очень уж торопятся взять Мариенбург.

– Боже мой, что же будет с нами тогда? – почувствовав невольный страх, спросила девушка.

– Не бойся, малютка! – энергично ответил офицер, страстно обняв девушку. – Что бы ни случилось, я никогда не покину тебя, и, если бы даже убили меня, моя душа будет жить рядом с тобою. О, не бойся, Марта, не бойся... Это я так говорю! Я вовсе не желаю быть убитым и, право, менее всего рассчитываю на это.

Канонада усиливалась, но молодые люди, увлеченные своей любовью, не обращали теперь на нее никакого внимания.

– И вот я думаю, – продолжал Феликс, – что, так как мы давно и свято любим друг друга, то пора нам перестать и крывать это чувство от людей и от наших близких и объявить об этом во всеуслышание... Марта, моя дорогая девочка, хочешь ты быть моей женой?

Марта покраснела, закрыла лицо руками и вдруг расплакалась.

– О, Марта, что с тобою! – горестно воскликнул Феликс. – Зачем, зачем эти слезы? Они так не идут к твоему веселому личику, к твоему радостному личику. Разве ты не хочешь быть моей дорогой, моей нежно любимой женой?

– Ах, Феликс, – отирая слезы, ответила девушка, – ты знаешь, что это неправда! Ты знаешь, как я люблю тебя, и ты знаешь, что стать твоей женой – это сладкая мечта моя! Но теперь... ты слышишь гром пушек? Слышишь эту ужасную пальбу?

– Да, как и ты... Так что же?

– Теперь говорить о нашем браке было бы несвоевременно... Чтобы сказала твоя мать, если бы мы теперь заговорили об этом?

– Теперь это своевременнее, чем когда-нибудь, – решительно и твердо ответил Феликс.

– Почему?

– Потому что это последняя ночь Мариенбурга, – торжественно ответил он, – потому что скоро настанет час, когда стены города падут, как библейские стены Иерихона, и ворота его раскроются, чтобы пропустить неприятеля... потому что меня могут убить...

– Ах, Феликс, ты опять говоришь о смерти! Вот уже второй раз в этот вечер...

– Ну, меня могут взять в плен, если тебе это больше нравится, моя дорогая, – усмехнулся он. – Словом, нас могут надолго разлучить обстоятельства. Но я не хочу ни одной минуты жить с сознанием, что мы друг другу чужие, да не хотел бы лечь и в могилу с этим сознанием.

– Я всегда это говорила! – вдруг услышали они голос старухи.

Оба вздрогнули и быстро подошли к креслу.

Голова тетушки Гильдебрандт качалась. Крепкий сон владел утомившейся женщиной. Она сказала эти слова во сне, вероятно, в ответ на какое-нибудь пригрезившееся ей видение.

– Ты видишь, – прошептал Феликс, – я прав. Ты согласна?

– Согласна ли я! – чуть не вскрикнула Марта и, порывисто обняв его шею руками, страстно прижалась к нему всем телом.

Дверь внезапно скрипнула, и молодые люди отскочили друг от друга...

V

В дверях показался пастор Глюк.

Он был бледен и имел усталый, почти измученный вид. В его крупных темных глазах отражалось горе, и печальная складка вокруг губ придавала почти трагическое выражение его лицу.

– Здравствуйте, дети мои! – сказал он молодым людям.

– Это вы, пастор? – спросила старуха, внезапно проснувшись от присутствия третьего лица в комнате.

– Я, моя добрая Гедвига.

– Откуда вы пришли? – продолжала она, окончательно приходя в себя и встав с кресла. – Мы вас ждали к ужину.

– Я читал молитвы над убитыми и должен был присутствовать при погребении нескольких наших павших воинов. Ах, дети мои! Как тяжелы обязанности пастора во время войны, в то время, когда люди нарушают великий завет христианства, убивая друг друга и орошая поля кровью своих ближних, те поля, которые назначены для применения их мирного труда и для питания их. Но... что делать! Война есть война, и люди всегда останутся людьми и всегда будут ненавидеть друг друга и стремиться к преобладанию друг над другом...

– Аминь, – сказала старуха.

– Я не ожидал встретить тебя здесь, – проговорил пастор, глядя на офицера. – Ты сильно похудел, и лицо твое возмужало.

– Садитесь, господин пастор, – придвигая ему кресло, сказала Марта, – вы очень устали и, должно быть, проголодались!

– О, нет, дитя мое, благодарю! – садясь, сказал пастор. – Я устал, это правда, но есть я не хочу. Мне это не идет на ум. Я сейчас видел достаточное количество печальных картин, чтобы самая мысль о материальной пище была мне противна. Когда дух возмущен, желудок безмолвствует. Я успел похоронить с десятков солдат. Остальных прибрали до утра. У одного проломлен был череп ударом острого, как бритва, клинка... до кости, до самого мозга. Ядром оторвало другому обе ноги. Он умер на моих глазах...

И пастор, точно видя еще перед собою эту картину, закрыл глаза рукою и поник головой.

– Да, дети мои! Смерть от руки человека – ужасное дело и куда страшнее смерти, являющейся как естественный результат жизни. И коршуны, и вороны уже собрались над трупами и зловеще кружили над ними, пока мы не погребли их. Мир праху их, и да отлетят души их в горние выси!

– Аминь! – прибавила тетка Гильдебрандт.

Молодые люди переглянулись, как бы спрашивая друг друга, ловко ли им после таких торжественных и печальных слов начать говорить о том, что они задумали.

Но мало-помалу настроение, в котором пастор пришел сюда, стало у него проходить и глаза его теряли постепенно свое печальное выражение.

– Ну, что скажешь, Феликс? – обратился он к офицеру. – Надолго ли к нам?

– Не знаю, отец мой. День-два, вероятно, пробуду, если до тех пор не возьмут города.

Он замолчал как бы в нерешимости, колеблясь тотчас же сказать о том, что наполняло его сердце.

Но потом после минутного колебания он решился.

– Матушка, – обращаясь к старухе, сказал он дрогнувшим голосом, – вам известно, что Марта и я любим друг друга, любим горячо и давно, давно уже... Матушка, вы приняли ее в свой дом и с первого дня пребывания ее вы стали относиться к ней, как к дочери. Вы знаете, так же как знают это и пастор Глюк, и все наши домашние, что и она относится к вам, как к матери, и ко всем нам, как к родным...

– Конечно, мы знаем это и все очень любим ее, – сказала старуха.

– И, как только окончится война, вам следует повенчаться, – вставил пастор, приветливо кивнув головой. – Я и повенчаю вас, дети мои.

– Я согласна, Феликс, – проговорила старуха. – Марта, приди обними меня, дочь моя!

Марта кинулась к ней на шею.

– Но зачем же нам ждать окончания войны? – окончательно набравшись храбрости, проговорил офицер.

– Но не хочешь же ты сказать, – удивленно возразил пастор, – что это следует сделать немедленно!

– Отчего же нет, отец мой?

– И даже, может быть, сейчас же? – засмеялся пастор.

– Отчего и не сейчас?

– Под этот грохот пушек?

– Ну да!

Пастор встал, подошел к офицеру и, понизив голос и отведя его в сторону, сказал ему:

– Ты говоришь это серьезно, Феликс?

– О да, батюшка, совершенно серьезно.

Пастор зорко посмотрел ему в глаза.

– Признаюсь, друг мой, эта поспешность в такую необычную минуту меня несколько смущает. Я не хочу допустить мысли...

Пастор не договорил, но не договоренную им мысль офицер прочел в его глазах...

– О, господин пастор! – почти с негодованием воскликнул он. – Как могли вы это подумать! Марта – чистая девушка, и я слишком горячо люблю ее...

– Прости меня, дитя мое. Прости старику его дурную мысль. Я очень устал, и мой ум плохо соображает. Но почему ты так торопишься со свадьбой?

– Потому, отец мой, что я могу быть убит или взят в плен. Я не хочу уйти отсюда, не будучи обрученным с Мартой. Мне было бы тяжело умирать в сознании, что она чужая.

– Так, друг мой. Ты прав.

– Матушка, господин пастор согласен! – радостно вскрикнул Феликс. – Благословите же нас и обручите сейчас же.

– Ну вот, наконец дожидая я до такой радости! – сказала старуха. – Мой первый муж, а твой покойный отец – царство ему небесное! – мой дорогой Рабе, радуется теперь, глядя с горних высот на радость своего единственного сына. Марта, пойдя принеси Библию господину пастору!

Марта поспешила исполнить требуемое.

Молодые люди стали перед пастором, читавшим положенные молитвы и места из Священного Писания. Голос его был тверд, и какое-то торжество звучало в нем. На лице Феликса светилась радость, глаза Марты сияли любовью. Старуха тихо плакала и изредка утирала глаза...

Пастор совершил обряд обручения и тотчас же обряд венчания. За поздним часом и ввиду военного времени он решился возможным не идти в церковь, которая теперь была, конечно, заперта, и простой, но трогательный в своей простоте обряд венчания был совершен осенней ночью под грохот неприятельских выстрелов в низеньком и темном зале мариенбургской таверны.

– Феликс, – проговорил пастор, дочитав последние слова молитвы, – обними свою молодую жену! Поздравляю тебя, Марта Рабе.

Это новое имя странно прозвучало в ушах молодой девушки.

– Марта Рабе... Марта Рабе... – прошептала она, упиваясь музыкой этих слов и обнимая окончательно расплакавшуюся от умиления старушку. – Дорогая мама моя! – проговорила девушка, вся сияя от счастья.

VI

Дверь таверны с шумом распахнулась.

На пороге ее показался сержант.

Офицер вздрогнул.

– Что тебе? – быстро спросил он, подходя к вошедшему.

– Господин лейтенант, полковник ждет у таверны и просит вас выйти к нему. Ему некогда заходить сюда.

– Сейчас иду.

Марта быстро подошла к нему.

– Феликс, что это значит? Мне страшно, Феликс, я предчувствую что-то недоброе.

– Не бойся, моя женушка, не бойся! Это какое-нибудь приказание.

Он быстро вышел в сопровождении сержанта.

– Эта ночь не дает нам ни минуты отдыха, – вздохнув, проговорил пастор. – Тяжелые времена настали для Мариенбурга. Как бы это не было его последней ночью!

– Чьей?! – испуганно вскрикнула Марта.

– Города, – ответил пастор.

Тогда Марта торжественно выпрямилась; огонек отваги и решительности сверкнул в ее красивых голубых глазах.

– Отец мой! – дрожащим от волнения голосом проговорила она. – Что бы ни случилось с городом, со всеми нами, если он будет взят, и с моим... с моим... если он будет взят в плен нашими врагами... Я клянусь здесь, перед лицом Бога, что только одна смерть разлучит меня с моим мужем!

Она заплакала.

– Милое дитя мое, дорогая дочь моя! – обнимая ее, проговорила старуха.

– Бог милосерд, – сказал пастор. – Он никогда не допустит этого несчастья.

Старики были тронуты видом молодой девушки, которая опасалась за свое счастье, так неожиданно осветившее ее печальную жизнь.

В это время в зал торопливо вбежал Феликс в сопровождении сержанта и еще незнакомых офицеров и солдат. Вид у всех был возбужденный и торжественный.

– Что случилось, Феликс? – подбегая к нему, спросила Марта. – Куда тебя вызывали? Я предчувствую, что нашему счастью скоро настанет конец.

– Видишь ли, Марта... Зачем смотреть так мрачно на жизнь? Но ведь я, дорогая моя, солдат, и мое место там, где сражаются мои братья против врагов моей родины. Я думал, мне удастся отдохнуть день-другой и насладиться моим новым счастьем с тобой, моя дорогая жена. Но Бог судил иначе. Царские войска не хотят дать нам отдыха. Сегодня ночью начальники решили сделать последнюю попытку... назначена вылазка...

– И начальствование поручено нашему лейтенанту, – с гордостью заявил сержант. – Он известен за отчаянного смельчака...

– Феликс! – со страхом вскрикнула Марта.

Но офицер был теперь уже неузнаваем. Слова сержанта сильно подействовали на него. Лицо его засветилось выражением радости, и беззаветная храбрость сияла в его глазах.

– Не бойся ничего, Марта! Там, где идет дело о спасении города и, может быть, тысячи жизней горожан, там нельзя думать об осторожности... Но я буду думать о тебе, и твой образ будет охранять меня от опасностей битвы. От этой вылазки зависит все – спасение или гибель...

Марта обняла его и, прислонив свою головку к его груди, заплакала.

Все отступили от них, как бы желая выказать безмолвное уважение к ее горю. Их оставили вдвоем.

Они отошли в глубь комнаты.

– Марта, – строго и серьезно сказал Феликс своей жене, – помни: чтобы ни случилось со мной, ты должна любить меня. Если бы я даже не вернулся, не забудь меня, моя радость...

Марта рыдала.

– Клянусь тебе, Феликс, вечно любить и вечно быть тебе верной.

Он снял со своего пальца кольцо в виде железной змейки, простой, даже грубой работы, и подал его ей.

– Береги его, если меня не станет, – сказал он ей, и слезы навернулись на его глазах.

Она поцеловала кольцо и надела его на свой указательный палец.

Затем она протянула ему в обмен свой кисейный платок, который тут же сняла с головы.

– А это тебе, Феликс, на память обо мне...

Офицер прижал платок к своим губам и потом спрятал его у себя на груди.

Между тем надо было торопиться. В окно раздался нетерпеливый стук, и сержант быстро подбежал к Феликсу.

– Господин лейтенант...

– Иду, друг мой, сейчас иду... Марта, дорогая моя, прощай!

Он крепко обнял свою молодую жену, и она замерла в его объятиях. Потом оба подошли к пастору, опустились на колени, и Феликс проговорил:

– Благословите нас, господин пастор.

– Благословляю вас, дети мои! – торжественно сказал пастор. – Да даст Господь Бог тебе, мой дорогой Феликс, с честью и достойно закончить твоё служение родине, да хранит Он тебя на всех путях твоих на славу нашего города и войска, на утешение твоей матери и жены. А тебе, Марта, да даст Он, Милосердный, силы перенести твоё испытание в разлуке с любимым мужем.

– Аминь! – сказала тетушка Гильдебрандт и заплакала.

Впрочем, плакали все, и даже у пастора навернулись на глазах слезы, а сержант отвернулся, чтобы не дать заметить, как покраснели его глаза.

Затем все отправились провожать Феликса, и комната опустела.

В ней стало вдруг темно.

Дрова, тлевшие в очаге, догорели, и угли отбрасывали от себя красный отблеск, накладывая на предметы зловещие краски.

Полнейшая тишина водворилась в комнате, в первый раз за весь этот длинный вечер опустевшей от людей.

Вдруг тихо скрипнула входная дверь.

Стремительно вошла в комнату женщина, одетая с ног до головы в черное, и, пугливо озираясь, точно тысячи призраков гнались за нею, дошла до середины и остановилась.

VII

Не видя никого в таверне, она опять пошла к дверям и стала прислушиваться к голосам, раздававшимся в сенях.

Тетушка Гильдебрандт, прощаясь с сыном, теперь громко рыдала, не будучи в силах сдерживать себя, а пастор тщетно старался ее утешить. Плач старухи переходил в истерику.

Феликс вырвался наконец из объятий матери и жены и громко проговорил:

– Прощай, Марта, ты останешься вдовой мертвеца, если счастье изменит мне, или же женою самого счастливого человека на свете, если нам удастся победить. Прощай же, Марта, прощайте, матушка!

Затем голоса смолкли. Все вернулись в таверну. За окном раздался топот копыт нескольких лошадей.

Женщина в черном успела незаметно скрыться за дверьми и юркнуть в сени.

Вбежав в комнату, Марта быстро подошла к окну и старалась проникнуть зрением в темноту осенней ночи; но она ничего не увидела, кроме блеска факелов, исчезающих во тьме и блиставших уже вдали, как две далекие звездочки.

Старуха лежала почти без чувств, вытянувшись в кресле.

Пастор отозвал Марту от окна, и они вдвоем принялись ухаживать за матерью Феликса.

Они наконец привели ее в себя и стали утешать, как умели

– Война не сегодня началась, – говорил пастор, – и Феликс все время не покидал своего полка, добрая Гедвига, и вы никогда до сих пор не отчаивались... Почему же теперь его отъезд так сильно подействовал на вас?

– Ах, господин пастор, я и сама не знаю. Да, война длится уже давно. Но ведь в эту ночь предстоит отчаянное дело... И потом, как хотите, сердце матери редко обманывает. А сердце мое беспокойно, и оно так тягостно замирает, так больно щемит, как будто предчувствует несчастье.

– Полно, полно, моя добрая Гедвига! – возражал пастор. – Вы устали за этот хлопотливый день, вы больны и расстроены. Вам необходимо отдохнуть, прилечь, заснуть... Бог да хранит вас Своей милостью. Ступайте-ка спать!

– Но мне не хочется спать, я не могу заснуть.

– Послушайте меня, это необходимо. Ну, будьте же благоразумной!

Старушка нехотя встала с кресла.

– Марта, – сказал пастор, – возьмите свечу и проводите тетушку. Ей одной, пожалуй, не дойти.

Марта молча повиновалась, зажгла свечу и взяла старуху под руку. Они стали подниматься по лестнице.

– Спокойной ночи! – сказал им пастор. – Я тоже пойду к себе отдохнуть.

И он скрылся вслед за ними.

Когда низенький зал опустел, женщина в черном опять появилась в нем из-за двери.

Прежнего воодушевления уже не было на ее бледном, измученном, но поразительно красивом лице. Вся ее тонкая и стройная фигура говорила об утомлении, о бессилии, о жажде отдыха.

Она подошла к креслу и в изнеможении опустилась в него.

Она низко опустила голову и закрыла глаза.

Грохот выстрелов снова возобновился, но он, по-видимому, не производил на нее никакого впечатления, или уже она достаточно успела наслушаться его и привыкнуть к нему, только она ни разу не открыла глаз. Думала ли она о чем или просто дремала, сломленная промчавшейся над ней жизненной бурей или утомлением от тяжелого и долгого пути, трудно было решить, но только веки ее были плотно сомкнуты и губы сжаты, что придавало ее красивому молодому лицу выражение трагического... именно так, не меньше – трагического горя.

Выстрелы ушались.

Но вдруг женщина вздрогнула с головы до ног и раскрыла глаза, всматриваясь в полутьму комнаты.

Ступеньки лестницы скрипнули, и на них появилась Марта со свечою в руке.

Женщина быстро встала с кресла и вытянулась во весь свой рост.

Марта в страшном испуге при виде этого призрака вскрикнула и чуть не выронила подсвечника из рук.

Обе женщины испугались друг друга.

– Кто вы? – оправившись несколько, спросила ее Марта. – Как вы сюда попали?

– Умоляю вас, не делайте шума! – слабым голосом отозвалась незнакомка. – Дверь была не заперта, и я вошла сюда. О, не бойтесь меня, я не сделаю вам никакого зла. Какое зло может сделать женщина, еле держащаяся на ногах от усталости и голода? Я долго, долго шла... Сил у меня больше нет. Умоляю вас, не гоните меня, дайте мне кусок хлеба! Что-нибудь, чтобы утолить голод... ноги не держат меня...

– Садитесь, – окончательно оправившись, сказала Марта. – Я вам дам все, что у нас осталось. Не бойтесь, я не буду гнать вас, и вы можете отдохнуть или даже переночевать: ведь у нас гостиница...

– О, благодарю вас! Кусок хлеба и приют – вот все, что мне теперь нужно. Вы добрая, я это вижу по вашим глазам, и Бог не оставит вас за вашу доброту...

Она опять опустила в кресло, и Марта, не расспрашивавшая ее ни о чем больше, принялась собирать на стол все, что еще осталось от ужина.

При этом она с любопытством, почти забыв свое собственное горе, разглядывала незнакомку...

Странной гостье было не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Платье ее было измято и кое-где порвано. Низ юбки был забрызган грязью, и вся она была мокрая.

Марта вновь подбросила в очаг дров, и дрова запылали ярким пламенем. Несмотря на хлопотливый день, на пережитые волнения, на собственное горе, девушка решительно не чувствовала никакой усталости и хлопотала, точно только что встала с постели после крепкого и продолжительного сна.

Страстное чувство к Феликсу, которого она так давно и так горячо любила и который наконец стал ее мужем, поддерживало ее бодрость. Он ушел, он в опасности и даже, может быть, никогда уже не вернется к ней... И вслед за порывом горя, овладевшего ею при этих мыслях, снова радостное, счастливое чувство водворялось в душе, и, таким образом, надежда на счастье и безнадежное чувство отчаяния сменяли друг друга и точно боролись в ней в эту страшную, последнюю ночь Мариенбурга.

Она взглянула на свою гостью.

Девушка под влиянием усталости и теплоты, распространившейся по комнате, уснула тревожным сном.

Какой-то бессвязный бред вырывался из ее запекшихся губ, и она вздрагивала всем телом, съеживалась, как будто ожидая невидимого удара, и широко раскрывала глаза, точно видя перед собой какой-нибудь грозный призрак, и потом вновь смыкала их, погружаясь в глубокую дрему.

– Да... да! – бормотала во сне незнакомка. – Я сделала это, сделала... Я ненавижу его!

Она несколько раз повторяла эти загадочные фразы, и Марта прислушивалась к ним с каким-то суеверным страхом, не будучи в состоянии ничего понять.

Ужин был готов, и Марта подошла к гостье, чтобы разбудить ее. Но ей было жалко нарушать ее тревожный сон. Она остановилась перед незнакомкой в немом восторге.

Никогда еще в жизни она не видела такой красоты и такого милого, доброго лица с выражением ангельской чистоты и непорочности. Бледные щеки прищелицы начинали розоветь и казались настоящими лепестками розы. Белокурые золотистые волосы обрамляли точно драгоценной рамой ее личико с красными, как коралл, губами, с темными бровями и длинными ресницами, точно бросавшими тень на ее щеки. Теперь губы ее были раскрыты, и за ними виднелся ряд молочно-белых зубов. Трагическое выражение лица исчезло, и, напротив, ее полуоткрытый ротик и эти ровные, мелкие зубы придавали что-то трогательно-детское ее личику.

Молодая грудь ее, слегка обрисовывавшаяся под складками черного платья, ровно и безмятежно дышала – кошмар, тяготивший незнакомку, видимо, стал проходить, и тревожный сон переходил в спокойный и укрепляющий сон усталого, но здорового телом человека.

Было жаль будить ее, но Марта решилась на это, так как надо было прежде всего позаботиться о восстановлении сил гостыи.

Марта дотронулась до ее плеча...

Незнакомка вздрогнула и вскрикнула:

– Что вам надо? Вы пришли за мною? Ну да, я сделала это... Ах, это вы? Вы меня гоните? О, не гоните! Не гоните меня!..

– Успокойтесь, милая... Я не гоню вас, я приготовила вам ужинать.

– А... – облегченно вздохнула незнакомка. – Благодарю вас.

Она встала и подошла к столу.

Походка ее все еще не была достаточно твердою.

С жадностью принялась она за ужин, и только когда она утолила свой голод, Марта решилась наконец спросить ее:

– Простите мое любопытство... Вы не сказали мне, кто же вы и откуда вы пришли к нам? Не одно любопытство заставляет меня спрашивать вас об этом. Город наш осажден русскими войсками... Кто знает, что может случиться... – вздохнула она и утерла рукою набежавшую слезу. – Как вы могли пробраться через неприятельские войска? Как ваше имя?

Девушка вздрогнула и, по-видимому, обдумывала свой ответ. Марте вдруг сделалось страшно...

Комната освещалась лишь огнем очага; свечка давно уже потухла; выстрелы раздавались все чаще и чаще, все ближе и ближе. Длинная тень незнакомки, освещенная красным блеском огня, перегнулась через стену на потолок и точно качалась там, походя на призрак...

– Говорите же, говорите что-нибудь! – взмолилась Марта.

VIII

– Меня зовут Марьей Даниловной, – тихо, как бы нехотя проговорила незнакомка.

– Вы – русская? – вскрикнула Марта, вскочив со стула. – Вы – дочь наших злейших врагов? И вы осмелились явиться сюда, в осажденный русскими город, и искать убежища у ваших врагов?.. Может быть, вы подсланы ими.

– Не кричите, умоляю вас... и ничего, ничего не бойтесь, – с грустной улыбкой ответила девушка, покачав головой. – Я не русская по происхождению, и русские скорее враги мне, чем друзья... Еще вчера у меня было двадцать дукатов, но солдаты напали на меня и ограбили... Я еле спаслась из их рук... Я долго, долго бежала, и я очень, очень устала...

Марта чувствовала, что эта женщина что-то скрывала и если говорила правду, то, во всяком случае, не всю правду.

Марта не спросила ее ни о чем больше и, встав из-за стола, принялась перетирать посуду и устанавливать ее на полки. Гостыя ее тоже молчала, не прибавив к сказанному ни слова.

Теперь прежние муки вновь завладели Мартой.

Она вновь почувствовала странную тоску, гнетущее беспокойство. Изредка, не в силах удержать порывы горя, она останавливалась в беспомощной позе, до боли сжимала руки, и душевное страдание ее становилось тем больше, чем дольше продолжалось безмолвие комнаты...

Окно стало освещаться изнутри красным светом.

Марта в изумлении подошла к нему и вдруг схватила себя в отчаянии за голову.

Да, да, нет никакого сомнения больше!..

Это пожар. Это там, у городской стены, загорелись низенькие деревянные домики; быть может, это там, где теперь дерется на жизнь и смерть ее муж!

Она в безумном ужасе озирается вокруг, точно ища чьей-нибудь помощи, чьего-нибудь участия...

Но в комнате царит прежнее безмолвие. Огонь потух в очаге, и лишь кроваво-красные угли дотлевают на железной решетке. В зале мрачно и темно. Незнакомка опять задремала тут же за столом, и по-прежнему из ее полуоткрытых уст вырываются таинственные, непонятные Марте фразы.

Какой-то безотчетный ужас овладел Мартой при виде того, как разгорается зарево пожара.

Она дико вскрикнула и бросилась к знакомке, чтобы разбудить ее, чтобы только не оставаться одной в этом удручающем безмолвии, нарушаемом учащающимися выстрелами пушек.

– Проснитесь, проснитесь же!.. – умоляла она свою гостью. – Теперь не время спать. Город горит, неприятельские войска близко... Я чувствую, что происходит что-то ужасное...

На лестнице послышались торопливые шаги.

Пастор Глюк и тетюшка Гильдебрандт, разбуженные в своих комнатах безумным криком Марты, торопливо спустились к ней.

Старики остановились в изумлении на последних ступенях лестницы...

– Что это за крик, Марта? – спросил пастор, стараясь сохранить спокойный тон, но сам уже невольно поддаваясь волнению, начинавшему овладевать им.

– Что случилось, моя дорогая? – в свою очередь, проговорила старуха, всматриваясь в полумрак комнаты. – Кто эта девушка?

– Не знаю, не знаю... Это... Марья... Марья... Но не в ней дело, тетюшка...

– Что же случилось?

Марта кинулась к ней.

– Матушка! – в каком-то исступлении отчаяния закричала она. – Пойдемте, пойдемте туда...

– Куда, дитя мое?

– Туда, туда, к стенам города! Туда, где твой сын, где бедный Феликс сражается с неприятелем, защищая наше имущество и нашу жизнь...

– Но, дитя мое... – прервал ее пастор.

– Ах, я знаю, я все знаю, что вы скажете. Но разве не все равно где умирать? Минутой раньше, минутой позже... Разве вы не видите? Город горит, и неприятель ворвется сюда очень скоро...

Пастор быстро подошел к окну и заглянул в него.

– Она права! – воскликнул он. – Город горит!

Затем, подойдя к старухе Гильдебрандт, он тихо сказал ей:

– Удержите Марту здесь... А я пойду туда, где, может быть, требуется моя помощь.

Старушка упала на колени и принялась горячо молиться:

– Господи, не оставь нас! Господи, пощади жизнь сына моего, возврати мне его целым и невредимым...

Мария Даниловна сделала движение к двери, намереваясь проскользнуть в нее вслед за пастором, который, вернувшись теперь из своей комнаты в длинном темном плаще, направился к выходу.

Но Марта стремительно подошла к знакомке и в порыве внезапно овладевшей ею злобы сильно схватила ее за руку и удержала на месте.

Та с изумлением взглянула на нее.

– Вы не выйдете отсюда, – твердо сказала Марта.

– Почему? – спросила та.

– Нет, нет, я не пушу вас. Это вы принесли нам несчастье! Все равно идти некуда... Если русские солдаты – враги вам, вам не уйти от них никуда. Город взят, мы должны погибнуть, и вы погибнете вместе с нами.

Не успела она окончить этих слов, как раздался оглушительный треск, как будто поблизости рухнула стена или дом.

Зарево пожара усиливалось. Слышались крики, стоны, тон оружия. Весь этот шум злое еще приближался к таверне.

Раздался звон разбитого стекла.

Женщины в ужасе обернулись к окну...

Штуцерная пуля пробила его, и стекло на тысячу кусков разлетелось по полу. Однако никому из присутствующих пуля не причинила никакого вреда, и они отделались лишь (трахом, плотнее прижавшись друг к другу.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге ее показался пастор. Лицо его было смертельно бледным.

– Все кончено! – тихо произнес он. – Мариенбург в руках врагов.

За ним вошло в комнату несколько немецких солдат.

Все они были в состоянии полного истощения. Многие из них были ранены и в изнеможении падали на пол; некоторые, закрыв лица руками, с трудом удерживали слезы. Отчаяние владело всеми.

Марта подходила то к одному, то к другому:

– Вы не знаете, что случилось с лейтенантом Рабе?

– Нет, фрейлейн.

– Не видали ли вы лейтенанта? – спрашивала она у другого.

– Какого лейтенанта?

– Феликса Рабе?

– Феликса Рабе? – проговорил старый солдат и отвернулся в смущении.

– О, если вы что-нибудь знаете о нем... – страстно проговорила Марта, – именем Господа заклинаю вас, скажите, где он... Он ранен?.. Он умер?.. О, говорите, говорите же...

Но старый солдат смущался все больше и больше, и слова не шли с его языка.

Тогда на помощь Марте, угадав уже всю правду, выступил пастор и, обратившись к старому солдату, сказал ему:

– Если вы знаете о нем что-нибудь, говорите.

– Вы – Марта Рабе? – наконец решился солдат, обратившись к молодой девушке.

– Да, я жена его.

Солдат поправил повязку на своей голове, молча выступил вперед и протянул Марте окровавленный платок.

– Так это, значит, вам...

Марта дико вскрикнула.

– А он? Где он? Что с ним?

– За несколько минут до своей смерти, – торжественно начал солдат, – лейтенант Рабе отдал мне этот платок, напивав его кровью, текшею из его груди от полученной раны, и сказал мне: «Поклянись, что, если ты останешься жив, ты снесешь этот платок моей жене Марте, в таверну «Голубой Лисицы»... Он еще сказал несколько слов о любви его к вам и к его матушке, но кровь пошла у него горлом, и он скончался на моих руках. Сержант и я отнесли его с поля сражения в город, за стены и сдали его тут встретившимся нам горожанам. Вот все, фрейлейн, что я знаю.

Судорожно зарыдала Марта, приняв из рук воина окровавленный подарок, и крепко прижала его к губам.

Мать Феликса рыдала, не будучи в состоянии произнести ни слова.

Старый солдат продолжал говорить:

– Он умер геройской смертью, фрейлейн, командуя вылазкой у южных ворот. Но нас было мало, а силы неприятеля росли. Он был всегда впереди, воодушевлял солдат к бою. Но пуля врага сразила его.

Пастор сделал ему знак замолчать.

– Господь, – дрожащим голосом проговорил пастор, – да упокоит праведную душу его! Он умер, как воин и как защитник своего родного города. Да останется память его всегда между нами.

– Аминь! – сказал раненый старый солдат, утирая глаза.

Женщины плакали, и ничто не могло удержать их слез. Они бросились друг другу в объятия.

Солдаты, из уважения к этому горю, один за другим покидали этот низенький темный зал и выходили на улицу, уже переполненную русскими войсками.

IX

Несколько русских солдат ворвались в комнату таверны. Ими предводительствовал молодой полковник.

Солдаты бросились к стойке, но офицер остановил их строгим голосом:

– Стой, ни с места!

Солдаты остановились.

– Вы что за люди? – обратился полковник к пастору и женщинам.

Но вдруг вся его строгость пропала...

Взор его упал сначала на Марту, потом на Марью Даниловну и остановился на ней в немом восхищении.

– Какая красавица немка! – прошептал офицер.

– Я не немка, – возразила ему Марья Даниловна.

Офицер очень удивился.

– Но ежели ты русская, то почему находишься здесь, между нашими врагами?

Марья Даниловна собралась ему ответить, но офицера осенила внезапно мысль, и он приказал солдатам:

– Взять их под стражу...

Несколько солдат окружили женщин.

Пастор Глюк выступил вперед.

– Господин офицер, – сказал он ему, – за что приказываете вы арестовать этих женщин? Мы – мирные люди, и во всей таверне вы не найдете у нас оружия. Прошу вас, именем Бога, отпустите их.

– Скажите ему, – обратился офицер к Марье Даниловне, – что негоже его сану поповскому мешаться в наши воинские дела. И еще скажи ему, что я представляю взятых фельдмаршалу, так как среди них нашлась русская... Не ведаю я, может быть, и шпионка.

– Я? Я – шпионка? – вскрикнула Марья Даниловна.

– Или преступница, бежавшая от русских ради сокрытия преступления, – продолжал офицер.

Марья Даниловна вздрогнула и сильно побледнела.

– Как фельдмаршал рассудит, так тому и быть.

– Отведите их в лагерь к моей ставке! – обратился он к солдатам. – Наутро видно будет. А остальных не троньте.

Солдаты схватили молодых женщин. Марья Даниловна робко опустила голову и не сводила глаз с офицера, смотря на него исподлобья. Она чувствовала, что взгляд ее прекрасных больших глаз сильно действует на него и что вся его суровость лишь напускная.

И офицер долго не мог оторвать от нее взоров. Ее красота очаровала его, и в его голове зрели уже планы относительно молодой красавицы пленницы.

Зато Марта была в безумном отчаянии...

Она билась в руках солдат, как птичка, пойманная в клетку, вырывалась из их рук, падала на пол, стонала и кричала:

– Феликс, Феликс, мой дорогой Феликс! Где ты? Что с тобой сделали?.. Если бы ты был жив, ты бы спас меня из рук врагов моих... Отпустите, отпустите меня!

Но солдаты подняли ее и наконец сплотились вокруг, отбрасывая тетку Гильдебрандт, которая рвалась к ней.

– Отойди, старуха! – говорили они ей. – Не замай – плохо будет!

Марта продолжала отбиваться от солдат и в борьбе выронила платок, вымоченный в крови Феликса. Она не заметила этого, так как решительно была вне себя...

Марья Даниловна нагнулась и, машинально подняв платок, спрятала его у себя на груди.

– Ведите их! – сказал офицер нетерпеливо, так как его раздражало сопротивление Марты. – И помните, вы отвечаете мне за их безопасность...

Офицер вышел.

Солдаты хотели схватить Марью Даниловну, но она, гордо вскинув головой, вырвалась из их рук, величественно выпрямилась и пошла за Мартой, которую солдаты с большими усилиями волокли под руки.

Старуха не плакала. Полное оцепенение напало на нее. Она сидела на стуле, качала головой и тихо, еле слышно говорила:

– Феликс, Феликс, Феликс...

Пастор стоял около нее, скрестив на груди руки, и губы его, побелевшие от волнения, тихо шептали слова молитвы.

Канонада прекратилась. Шум на улицах постепенно утихал. Шел дождь, и холодный осенний ветер резкими порывами врвался в зал таверны.

Становилось сыро и холодно.

– Пойди к себе, несчастная старуха! – сказал пастор, обращаясь к тетушке Гильдебрандт. – Стань у распятия и вознеси горячую молитву Богу, чтобы Он упокоил душу нашего славного Феликса и даровал счастье, если оно еще возможно, его молодой вдове.

Но старуха теперь уже не прибавила к его словам обычного своего возгласа «Аминь!» и даже вряд ли слышала его речь.

Она все продолжала качать головой, и запекшиеся, сморщенные губы ее все так же шептали:

– Феликс, Феликс, Феликс...

Ночь проходила.

Одна за другой гасли звезды, блиставшие среди тяжелых и низко ползущих, точно разорванных облаков. Далеко-далеко на восточной части неба показался бледный, робкий свет предутренней зари. Глухо били барабаны, тускло догорали костры, кое-где раздавались топот копыт, лязг оружия, отрывок песни.

Забранные солдатами женщины шли по топким и намокшим от продолжительного дождя улицам взятого города. Ноги их вязли в глубоких колеях, образовавшихся от проезда пушечных лафетов, и им было тяжело ступать по этой грязи, спеша за солдатами, шагавшими широкими шагами и спешившими сдать начальству порученных им женщин.

Марта, по-видимому, успокоилась. Она шла, низко опустив голову, холодная и гордая теперь, затаив, задушив на дне души своей глубокую горестную рану.

Марья Даниловна шла бодро. Какая-то смутная мысль вызвала на ее красивых устах презрительную и самодовольную усмешку. И в ее голове складывались планы, о которых она никому не поведала бы в настоящую минуту, да и для нее самой они были еще не окончательными.

Солдаты шагали, покуривая трубки. Они перекидывались изредка словами, иногда грубыми шутками, заставлявшими краснеть Марью Даниловну.

Х

Фельдмаршал сидел в своей палатке на простой деревянной табуретке и курил трубку.

Перед ним, на другой табуретке, стояла кружка пива, доставленного ему в бочке из только что взятого русскими Мариенбурга.

Был ранний час утра, но, несмотря на это, он с наслаждением выпивал уже третью кружку и наполнял едким дымом табака палатку.

Невдалеке от него сидел за убогим столом молодой офицер.

Фельдмаршал Шереметев, отпив пива из кружки, сказал своему ординарцу:

– Достань последнее царское письмо, полученное нами, и прочти его. Соответственно оному следует отписать царю о нашем походе.

Офицер порылся среди бумаг, лежавших на столе, достал большой лист синеватого цвета, откашлянулся, взгляделся в крупные и неровные каракули царского письма и не особенно бойко прочитал его:

«Есть возможность, что неприятель готовит в Лифляндию транспорт из Померании в десять тысяч человек, а сам, конечно, пошел к Варшаве, теперь истинный час – прося у Господа сил помощи – пока транспорт не учинен, поиском предварить...»

– Так, довольно, – прервал чтение Шереметев.

Офицер вопросительно взглянул на него.

– Что писать прикажете? – спросил он фельдмаршала.

– А ты не торопись. Торопливость в таком деле негожа.

И он погрузился в думу.

Но ответ царю не складывался в его уме, и фразы, обыкновенно так легко сочинявшиеся им, на этот раз закапризничали.

– А что в царском письме дальше? – спросил он, чтобы выйти из затруднения и дать себе время.

Офицер опять взял синюю бумагу и, недолго порывшись, чтобы отыскать место, на котором остановился, прочел:

«Разори Ливонию, чтоб неприятелю пристанища и сикурсу своим городам подать было невозможно...»

– Так! – прервал фельдмаршал, очевидно, надумав ответ. – Теперь приготовься...

– Готов.

– Пиши же: «Чиню тебе известно, что Всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь...» Всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь... Написал ли?

– Написал.

– ...«Пресвятая Богоматерь желание твое исполнили. Больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и опустошили без остатку... И от Риги возвратились законные люди и от самой границы польской; и только осталось целого места...» Написал ли?

– Написал.

– И «целое место» написал?

– Половину... «места» еще не дописал.

– Пиши... А коли готов, пойдем дальше: «целого места Пернов и Колывань, и меж ими сколько осталось около моря, и от Колывани к Риге, около моря же, да Рига, а то все запустошено и разорено вконец. Пошлю в разные стороны отряды калмыков и казаков для конфузии неприятеля...» «Конфузию» написал?

– Пишу.

– Изобрази. Пиши дальше тако: «Прибыло мне печали: где мне деть взятый полон? Тюрьмы полны и по начальным людям везде; опасно того, что люди какие сердитые, сиречь пленники! Тебе известно, сколько уже они причин сделали, себя не жалея; чтобы какие хитрости не учинили: пороху в погребях не зажгли бы; также от тесноты не почали бы мереть; также и занее на корме много исходит; а провожатых до Москвы одного полку мало. Вели мне об них указ учинить». Коли устал, отдохни малое время. Еще буду говорить тебе.

– Повели продолжать, Борис Петрович, все одно, одним духом скончать.

– Ну, так пиши! Еще небольшое осталось. Пиши: «Больше того быть стало невозможно: вконец изнужились крайне, обезхлебили и обезлошадели, и отяготились по премногу как ясырем и скотом, и пушки везть стало не на чем, и новых подвод взять стало неоткули...» Конец. Ставь подпись. Поставил?

– Поставил.

– Ан, врешь, не конец! Еще вспомнил. Пиши. Э, братец, что там за шум? Будто женские голоса... Что это, право, отписать царю не дадут. Сходи, узнай-ка, кто шумит, и накажи всех – тех за шум, а этих за попущение к оному. А откуда также в лагере у нас женщины?

Офицер вышел, а фельдмаршал выпил остаток пива из кружки.

Офицер вскоре вернулся.

– Ну, что же там?

– Полковник Никита Тихоныч Стрешнев с казаками привели к тебе двух женщин.

– А что мне делать с этими двумя женщинами?

– Про то не ведаю. Они – немецкие пленницы.

– Зови сюда Стрешнева, коли так.

По приходе Стрешнева фельдмаршал спросил его:

– Ты что тут шумишь со своими пленницами, Никита Тихоныч? И что это за пленницы? В это время в палатку его казаки ввели Марту и Марию Даниловну.

Обе женщины уже успели привести себя несколько в порядок. Лица их уже не носили прежнего выражения утомления. Яркий румянец играл на щеках Марии Даниловны, но Марта была все еще бледна, и хотя глаза ее уже не были красны от слез, но в них все еще стояло выражение глубокой печали.

Полковник с тревогой следил за взором фельдмаршала, но, к своему удовлетворению, увидел, что глаза Шереметева с особенным интересом остановились на Марте и довольно рассеянно и равнодушно скользнули по лицу Марьи Даниловны. Очевидно, она не произвела на него особенного впечатления, несмотря на всю свою красоту. Полковник этому очень обрадовался потому, что сердце его было уже покорено чудными глазами пленницы.

– Почто же ты их взял в плен, Тихоныч? – спросил фельдмаршал. – Нешто ты воевал с бабами? – засмеялся он.

– Нет, Борис Петрович, не с бабами. А так как в том мариенбургском кабачке, который стоял у городских стен, увидел я среди немцев вот эту русскую, Марью Даниловну, то и пришло мне вдомек, как она туда к ним попала и нет ли тут какой хитрости.

– Пороху в погребях бы не зажгли? – рассмеялся Шереметев, вспоминая слова своего письма к царю. – Ну, так что же мы теперь с ними будем делать?

– Как укажешь.

– Допросил ли ты ее? – спросил фельдмаршал, кивнув головой на Марию Даниловну.

– Допросил.

– И что же оказалось?

– Ничего, Борис Петрович, – смущенно ответил полковник. – На ней никакой вины нету.

– Ну, так отпусти ее или оставь ее у себя в услужении.

Она уже согласилась на это, – поспешно проговорил полковник, взглянул на Марью Даниловну и уловил ее лукавый взгляд.

– Переведи ей, – сказал Стрешнев Марье Даниловне, – что говорит фельдмаршал.

Марья Даниловна нагнулась к Марте и передала ей предложение Шереметева.

Марта ничего не ответила, презрительно пожав плечами. Ей, очевидно, было теперь все равно, что бы ни сделали с нею.

В это время вошел офицер, писавший письмо к царю, и доложил фельдмаршалу:

– Тотчас прибыл гонец с царским указом. Вот он. Велишь прочесть?

– Читай!

Офицер сломал печать, вынул из обложки письмо и стал читать:

– «Если не намерен чего, ваша милость, еще главного, изволь не мешкав быть к нам; зело время благополучно, не надобно упустить; а без вас не так у нас будет, как надобно. О прочем же изволь учинить по своему рассуждению, чтоб сего Богом данного времени не потерять».

– Так. Стало быть, надлежит мне отправляться к царю и Ладогу, – проговорил радостным голосом Шереметев. – Устал я тут с немцами бой водить. – И вдруг, обратившись к Стрешневу, он твердым голосом прибавил: – Уведи свою пленницу, а другую оставь здесь. Я повезу ее в Ладогу... Представлю ее светлейшему князю Меншикову, давно он выражал желание иметь прислужницу из немок. И лицо у нее благообразное и любезное.

Стрешнев поклонился и вышел, чтобы передать Марту на попечение шереметевского денщика.

Обе женщины простились у палатки.

Марья Даниловна подошла к Марте.

– Прощай, – сказала она ей. – Наши дороги расходятся. Бог знает, увидимся ли когда-нибудь. Благодарю тебя, что приняла меня вчера ночью, обогрела и накормила. Я за себя не боюсь, – гордо прибавила она. – И не я буду служить Стрешневу, а он станет моим холопом. А вот тебе будет худо... Если когда-нибудь понадобится тебе мое покровительство, обратись ко мне, я тебе помогу. Может быть, когда буду знатной, возьму тебя к себе в услужение – тебе у меня хорошо будет... Прощай покуда!

Марта вскинула на нее свои голубые глаза...

Что-то смутное прошло по душе ее. С появлением этой женщины в таверне начались ее несчастья, пришло известие о гибели ее мужа и совершилось взятие ее в плен русскими. Вот теперь отправляют ее в далекий город, и она должна будет навсегда расстаться с этим городом, который стал ее родиной, с людьми, которые приняли ее, сироту, в свой дом, дали ей кров, приют и любовь.

Как все это далеко теперь! И ничего, ничего не осталось у нее из прежнего, кроме вот этой странной красавицы иноземки, да и та скоро исчезнет из ее глаз, и Марта делается совсем одинокою.

– Прощай, – сказала она Марье Даниловне почти с грустью.

– Помни, – повторила Марья Даниловна еще раз, – я готова всегда оказать тебе покровительство.

– Благодарю. Буду помнить. Прощай!

Их развели, и они уже более не видались до самого их отъезда из лагеря.

Часть первая

Озеро смерти

I

Вечерело. Летние сумерки медленно опускались на землю. Кровавые полосы заката начинали бледнеть, точно таять под влиянием этих сумерек, и небо становилось пепельно-серым, переходя в синеватый цвет, по мере того, как глубже уходило солнце.

С холма, на котором стояла усадьба, вела к саду узенькая дорожка, засаженная кустами терновника, и вводила прямо в самое сердце сада, в отдаленной части которого находилось природное озеро, довольно больших размеров и значительной глубины.

Когда-то по гладкой поверхности его бегали лодки и в нем водилась рыба. Теперь озеро это было также запущено, как и самый сад. Оно покрывалось зеленой порослью, так что неопытный глаз мог бы принять его за гладко выкошенную лужайку, если бы не кваканье целого хора лягушек, нарушавших здесь ночную и вечную дрему запущенного сада.

Хорошо было на берегу этого озера в тихий вечерний час, когда косые кроваво-красные лучи заходящего солнца, прорывавшиеся сквозь промежутки между толстыми стволами деревьев, протягивались по засыпанным упавшим листом дорожкам нитями красного цвета.

Хорошо и жутко было в саду, куда, как в заколдованное царство, не проникало извне никаких голосов жизни и где были свои голоса, свои речи, непонятные людям.

Много видел лес на своем веку, и, быть может, на дне этого таинственного зеленого озера собралось немало тайн, навеки покрытых сплошным покровом зеленых порослей.

В описываемое время в усадьбе «Стрешневка» жил настоящий владелец ее, Никита Тихонович Стрешнев, со своей женою и с камеристкою жены, Марьей Даниловной.

Стрешнев получил чин генерала, но в последний поход он заслужил немилость царя и ушел из войска в свое поместье, где коротал жизнь в непривычных для него занятиях мирного помещика.

С детских почти лет привык он к походам и невзгодам тревожной лагерной жизни и очень заскучал, когда ему пришлось сесть на землю и коротать дни и вечера с немолодою и почти незнакомой ему женою, которую ему приходилось не видеть годами.

Единственной, но великой зато утехой была ему Марья Даниловна, которую он четыре года тому назад вывез из Мариенбурга, немедленно привез к жене и поселил ее во флигеле рядом с усадебным домом.

В первое время он не успел достаточно насладиться любовью к этой красавице, потому что отпуск ему дан был самый короткий, и он ушел опять на войну, брать под начальством того же Шереметева Нотебург на Невском «протоке» – маленькую крепостицу, обнесенную высокими стенами, выложенными из твердого гранитного камня.

Маленькая крепость заключала в себе небольшой, около полутысячи человек, гарнизон, но сопротивление царским войскам оказала великое. После отчаянного боя комендант Нотебурга принужден был, однако, сдать крепость и вынес Петру ключи.

Петр был очень обрадован этой победой и назвал Нотебург Ключом-городом, переименовав его в Шлиссельбург.

В следующем году, в апреле, под начальством Шереметева же, русские войска шли большими и малыми лесами по правому берегу Невы к маленькому земляному городку Ниеншанц, который сторожил устье Невы.

Во время этого похода Стрешнев, безумно любивший Марью Даниловну, не мог более терпеть столь продолжительной разлуки с нею и, видя, что походам и сражениям не видится конца, стал проситься в кратковременную отлучку для поправления расстроенного хозяйства в вотчине и для отдыха от напавшей на него лихой болезни.

В это самое время бомбардирский капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с обоими гвардейскими полками на тридцати лодках окружили неприятельские корабли на взморье и взяли их, несмотря на то, что у шведов были пушки, а у русских их не было вовсе.

Царь писал по этому поводу к Апраксину:

«Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для, солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с восемью лодок в самом деле и было. И сею никогда бываемою викториею вашу милость поздравляю».

Теперь царь стоял у моря, и радости, востороженной, почти детской радости этого гиганта не было пределов. И тем не менее, несмотря на его праздничное настроение, получив просьбу Стрешнева, он «зело в гневе пришел», повелел уволить недавно произведенного генерала в вотчины для исправления его лихих болезней и воспретить ему являться на службу, дабы тем лишить его подвигов, приличествующих его воинскому званию.

Опала была настоящая, но Стрешнев с облегченным сердцем, влюбленный более чем когда-либо в свою бывшую мариенбургскую пленницу, помчался в свою вотчину на радостное свидание.

Как раз в это время, 16 мая 1703 года, на одном из небольших островов устья Невы застучали топоры: по повелению Петра рубили деревянный город – Петербург – новую столицу Российской державы.

II

В запущенном саду было тихо и прохладно. Как бы ни был жарок летний день, сквозь густую заросль сада лучи проникали как бы с осторожностью и будто с любопытством заглядывали в это сырое зеленое царство.

Сумеречно и уютно было под ветвями вековых вязов и дубов, наклонившихся над светло-зеленым прудом, на берегу которого стояла каменная скамейка, покрытая плесенью по углам и щелям своих соединений, источенная временем и позеленевшая от озерной сырости и испарений, поднимавшихся с поверхности озера по вечерам.

На скамейке сидел Стрешнев, точно помолодевший, расцветший, без всяких признаков лихой болезни, под предлогом которой он покинул своих ратных товарищей и уединился от почестей и побед в этом укромном приюте любви.

Марья Даниловна в эти несколько лет сделалась пышной красавицей в полном смысле слова. Румянец вернулся на ее щеки, губы сделались ярко-красными, а ее чудные глаза стали темнее и глубже. И в них было прежнее выражение задора и хитрости, что-то дерзкое и лукавое, надменно-вызывающее и дразнящее.

Да, именно взгляд этих прекрасных глаз, сразу покоривших сердце Стрешнева при первом свидании с нею в мариенбургской таверне, заставил его бросить славную службу, отказаться от выгод, соединенных с нею, и погрести себя в этом уединении, где единственным счастьем почитал он проводить долгие вечера рядом с нею, сидя на этой старой скамейке под зеленою сенью старого сада.

Часто дерзкий на словах, храбрый в битве, находчивый в трудных обстоятельствах ратного дела, здесь, в этой мирной обстановке сельской жизни, с глазу на глаз с таинственной красавицей, этот воин терялся, как ребенок, и робел, как солдат перед царем.

При малейшем движении ее соболиных бровей, при малейшем строгом взгляде этих глаз, которыми он все еще не мог вдовольстаться, он чувствовал, как сердце его тоскливо сжимается и как непонятный холод сковывает его тело, лишает его свободы движений и как язык его отказывается повиноваться ему.

– Машенька, – заговорил Стрешнев, заглядывая искательно в глаза своей подруги жизни, – как ты, в своем здоровье? Чует мое сердце, что невесела ты стала в последние дни. Скажи мне, голубка, какая печаль гнетет тебя? Я ли не угодил тебе, моя красавица? Холопы ли мои тебя избидели, али скучаешь ты здесь, в моей вотчине, и хочется тебе куда выбраться отсюда? Скажи, здорова ли ты?

Марья Даниловна нетерпеливо повела плечами, слегка сдвинула брови и насмешливо проговорила:

– Здорова, спасибо за осведомление.

– Машенька! – с трепетом проговорил Стрешнев, глядя на суровое выражение ее лица. – Я ведь вижу, что ты не в себе. А я-то как спешил сюда, как рвался оттуда, думая, что ты скучаешь здесь одна... Но вот прошел год, и я почти никогда не вижу улыбки на твоём прекрасном лице.

– Не смешлива я... – сухо ответила она.

– Одначе, даже в тяжкое время твоей жизни, помнишь, там, в кабаке, в Мариенбурге, когда палили пушки, кровь лилась на улицах и солдаты взяли тебя по моему приказу, ты и тогда улыбалась, и вид у тебя был веселее, чем нынче. Нынче ты ходишь хмурая, будто червь тебя точит, и на все мои слова и ласки ты только молчишь. Должна же быть тому какая причина. Невозможно, чтобы это без причины было... Вот ты и скажи мне...

Марья Даниловна уклонилась от его объятий, отодвинулась на другой край скамьи, провела рукою по глазам, точно смахивая с себя докучную грезу, и, взглянув прямо в лицо собеседнику своему, отчетливо произнося каждое слово, сказала:

– Никита Тихоныч! Ты хочешь знать о моей доуке. Изволь, я скажу тебе. Зачем ты взял меня тогда из мариенбургского кабака? Разве я просила тебя об этом? Разве ты осведомился о моем желании? Ты взял меня силой, сделал своей пленницей, заточил в эту могилу, сделал прислужницей своей жены, Натальи Глебовны. Сам ты уехал на службу царскую, а я оставалась здесь в тоске-одинокости. Ты думаешь, мне весело было здесь?

– Люба моя! Но ведь как только оказалось время, ты видишь, я приехал к тебе и даже опалил царя на себя, того ради для, чтобы быть с тобой в любви и согласии.

– Ты думаешь, мне весело было здесь? – как бы не слушая его оправдания, упорно повторила Марья Даниловна. – Как думаешь ты, Никита Тихоныч, ежели вольную птицу, привыкшую летать по поднебесью, на всей ее вольной воле, с утра до вечерней зари, поймать и заточить в клетку, будет она для утех охотника песни распевать да крылышками помахивать?

– Но разве ты не свободна? Ведь не Наталья Глебовна, моя жена, а ты здесь – полная хозяйка. Разве не делаешь ты все, чего только не захочет душа твоя? Разве чего недостает тебе в моем доме? Разве сама жена моя не угождает тебе, желая быть угодной мне?

– Повремени малое время, Никита Тихоныч, – прервала она его горячую речь, – дай и мне молвить слово.

– Говори, Машенька, говори!

– Все это так теперь, когда ты сюда приехал, но не так было прежде, когда тебя здесь не было. Это – первое. А второе – разве мало я натерпелась от твоей хозяйки и твоих людишек? А еще скажу тебе: хотя и угождают мне теперь здесь, но все же Наталья Глебовна есть настоящая жена твоя, хозяйка, а я – ее холопка и твоя наложница. И еще скажу тебе: всего у меня вдоволь и ни в чем я не нуждаюсь, это ты сказал истинно. Но и птицу, которую охотник поймает в степи, он часто сажает в золотую клетку и, конечно, кормит и поит ее досыта. Но клетка, даже и: юлотая – узилище, а корм, отпускаемый ей охотником, горек.

– Но, Машенька, могу ли я изменить это? – с тоскою в голосе спросил ее Стрешнев.

– Можешь.

– Что же я должен сделать, ненаглядная моя?

– Отпусти меня.

Стрешнев вздрогнул, и страх отразился на его мужественном лице.

Огонек торжества засветился в темных глазах Марьи Даниловны.

– Отпустить... – тихо повторил Стрешнев, как бы прислушиваясь к этому слову, которое дико звучало для него и больно отзывалось в его душе, – отпустить... но куда?

– На все четыре стороны... куда глаза глядят, как охотник открывает клетку и выпускает пташку на волю. Разве она знает, куда полетит и что будет делать на воле? Отпусти меня на волю, ежели то правда, что ты меня любишь...

– Люблю, Машенька, так что сильнее любить не можно. Но не можно мне и отпустить тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.